

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РИСКОВ ПРИ ДОПРОСЕ ЛИЦ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ОБ АФФЕКТИРОВАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

В статье рассматриваются криминалистические риски, связанные с недостаточностью изучения эмоционального состояния лица, совершившего аффектированное преступление. Развитие данных рисков прогнозируемо. Авторский коллектив вносит предложения в тактику производства допроса по аффектированным преступлениям.

Ключевые слова: аффект, криминалистическое прогнозирование, допрос, криминалистическая методика.

FORECASTING OF RISKS AT INTERROGATION ON CRIMINAL CASES ABOUT THE AFFECTED CRIMES

The article considers the criminalistic risks connected with insufficiency of studying the emotional condition of the person who committed an affected crime. Development of these risks is predictable. The group of authors makes proposals for interrogation policy on the affected crimes.

Key words: affect, criminalistic forecasting, interrogation, criminalistic technique.

Динамика процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступления требует от правоохранительных органов и суда постоянной оценки изменения следственной ситуации, ее прогнозирования и коррекции предпринимаемых действий в целях установления истины по делу и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности. Качество этой деятельности зависит от множества объективных и субъективных факторов, проявляющихся на всех уровнях изучения проблемы. Немаловажную роль в этом играют методики по раскрытию и расследованию преступлений, их своевременное совершенствование, а также правильное их восприятие субъектами расследования.

В этой связи хотелось бы затронуть проблему расследования аффектированных преступлений против личности (ст. 107 и 113 УК РФ). Следует отметить, что изучение практики раскрытия и расследования данных преступлений позволило нам выявить наличие довольно часто встречающейся проблемной следственной ситуации, выраженной в существовании потенциальных криминалистических рисков.

Традиционно под криминалистическим риском понимается возможность наступления негативного, противоречащего целям и задачам уголовного судопроизводства, результата раскрытия и расследования преступления [1, с. 47]. В рассматриваемом случае негативные результаты связаны с тем, что не достигается одна из основных задач уголовного судопроизводства – назначение справедливого наказания, отвечающего характеру и степени общественной опасности деяния и личности виновного. При расследовании указанных преступлений криминалистический риск может

быть связан, с одной стороны, с инсценировкой лицом, совершившим преступление, наличия у него в момент деяния состояния аффекта с целью избежать полноты уголовной ответственности, что может привести к ошибочной квалификации его действий как относящихся к привилегированным составам преступления с гораздо более мягкими санкциями; с другой стороны, – с упущением органами предварительного расследования и судом факта совершения преступления в состоянии аффекта с последующим привлечением лица, совершившего преступление, по основной статье (ст. 105, 111 или ст. 112 УК РФ).

Так, г-н В. был осужден районным судом по ст. 111 УК РФ за причинение тяжкого вреда здоровью своему отцу. Судебная коллегия области оставила решение суда без изменений, однако Верховный суд поставил вопрос об изменении решения в связи с неправильным применением уголовного закона. В ходе изучения дела было установлено, что В., придя домой, застал там отца в состоянии алкогольного опьянения, принявшегося оскорблять сына и угрожать ему убийством. Игнорируя поведение отца, В. ушел в свою комнату. Следом за ним в комнату зашел отец с ножом в руках, продолжая оскорблять В. Тогда последний выбил нож из рук отца, порезав ему при этом руку, после чего отправился на кухню искать бинт, чтобы перевязать рану. Отец последовал за ним и неожиданно ударил В. в лицо, а потом, продолжая оскорблять и угрожать сыну, взял топор. В этот момент В. в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения нанес отцу несколько ударов рукой, причинив ему тяжкий вред здоровью. Суд установил, что отец В. на протяжении длительного времени злоупотреблял спиртными напитками, оскорблял родных.

На основании изучения материалов дела Верховный суд отверг позицию районного и областного судов о том, что оскорбления и угрозы потерпевшего в день происшествия не отличались от прежних и нет оснований усматривать нахождение В. в состоянии аффекта. В итоге действия г-на В. были переквалифицированы со ст. 111 УК РФ на ст. 113 УК РФ [2].

Данный пример обнаруживает существование криминалистического риска в период предварительного расследования. Риск возник вследствие игнорирования органами предварительного расследования и судом необходимости изучения эмоционального состояния лица в момент совершения преступления. Причем, исходя из обстоятельств дела, данный риск был вполне прогнозируемым: обстановка совершения преступления, наличие близкого родства между преступником и потерпевшим, стремление виновного предотвратить конфликт и оказать помощь потерпевшему явно указывали, что последующие преступные действия виновного носили характер эмоциональной разрядки.

Следует подчеркнуть, что практика расследования уголовных дел по факту причинения вреда жизни и здоровью человека в состоянии аффекта неоднозначна. Как правило, при расследовании уголовных дел по аффектированным преступлениям против личности проводятся комплексные судебные психолого-психиатрические экспертизы на предмет совершения преступления виновным в состоянии аффекта. Однако нередко установление аффекта осуществляется по юридическим признакам, отраженным в диспозициях ст. 107 и 113 УК РФ, а также по внутреннему убеждению органов предварительного расследования и суда [3]. Данные случаи наиболее распространены при первоначальной квалификации по основной статье. Например, при судебном рассмотрении уголовного дела в отношении г-на С. по факту причинения им тяжкого вреда здоровью своей матери, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшей (по ч. 4 ст. 111 УК РФ), суд пришел к выводу, что преступление С. совершил в состоянии аффекта, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим пьянством, попрошайничеством, бродяжничеством и аморальным поведением потерпевшей, переквалифицировав деяние на ст. 113 УК РФ [4].

Данное решение суд принял, изучив материалы уголовного дела, сопоставив обстоятельства совершения преступления, показания подсудимого и свидетелей. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза на предмет нахождения С. в момент совершения преступления в состоянии аффекта не производилась. Интересно отметить, что в основу указанного решения была положена, по всей видимости, именно сопоставление внешних юридически значимых признаков аффекта – внезапности возникшего сильного душевного волнения С., выразившегося в неожиданных и не свойственных для него преступных действиях в отношении своей матери и длительности психотравмирующей ситуации, возникшей в связи с систематическим аморальным поведением потерпевшей, с субъективными взглядами суда на то, может ли подобная ситуация привести к возникновению аффекта.

Вместе с тем следует отметить, что критерии оценки тех или иных факторов, могущих вызвать развитие состояния аффекта у разных людей, различаются. Те обстоятельства, которые, по мнению одних, могут вызвать аффект, на взгляд других имеют просто неприятную окраску¹. Таким образом, следует отметить, что выводы о наличии состояния аффекта должны быть подкреплены доказательствами, отражающими особенности психической деятельности виновного лица и указывающими на состояние аффекта. Одним из таких доказательств, безусловно, является комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, которую, по нашему мнению, необходимо назначать во всех случаях, когда в материалах дела имеются юридически значимые признаки детерминации аффекта. Например, судья Пятигорского городского суда, оценив материалы рассматриваемого дела, указывающие на наличие юридических признаков аффекта, назначил психолого-психиатрическую экспертизу в отношении Б., подсудимого по ст. 111 ч. 1 УК РФ, заключение которой подтвердило, что Б. в момент совершения преступления находился в состоянии кумулятивного аффекта, которое оказывало существенное влияние на сознание, поведение, прогностическую и контролируемую функции мышления. В итоге суд переклассифицировал действия Б. со ст. 111 ч. 1 на ст. 113 УК РФ [5], что, на наш взгляд, представляется более обоснованным, чем в предыдущем примере.

Однако необходимо указать, что заключение эксперта как доказательство (в соответствии с ч. 2 ст. 17 УПК РФ) не может иметь заранее установленной силы достоверного и объективного доказательства, тем более, что известны случаи, когда заключение экспертизы относительно наличия аффекта только запутывало следствие и требовало проведения повторных экспертиз [6]. Безусловно, заключение эксперта должно быть подкреплено совокупностью других доказательств, причем в нашем случае – доказательств, прямо указывающих на наличие состояния аффекта. Сведений об обстановке совершения преступления недостаточно, потому что виновное лицо может сознательно воспользоваться длительной психотравмирующей ситуацией или каким-нибудь поступком потерпевшего, чтобы инсценировать состояние аффекта. Необходимы сведения, указывающие на симптоматику аффекта.

Следует отметить, что в медицине аффект определяется как бурный и кратковременный эмоциональный процесс, оказывающий влияние на сознание и деятельность человека и сопровождающийся изменениями в деятельности двигательной, эндокринной, сердечно-сосудистой и других систем организма [7]. В психологии и психиатрии различают два основных вида аффекта – физиологический и патологический [8], причем для последнего характерна невменяемость лица. При физиологическом аффекте лицо сохраняет вменяемость, характеризующуюся «сужением сознания»,

¹ Например, при анкетировании лиц, осужденных за преступление по мотиву ревности и отбывающих наказание 5% респондентов не сочли измену тяжким оскорблением (Степанова И. Квалификация преступлений из ревности, совершенных в состоянии аффекта).

затрудняющую возможность выбора линии поведения [9]. Сужая сознание, аффект как бы навязывает субъекту стереотипные действия. По сути аффект представляет собой определенный закрепившийся в эволюции способ аварийного разрешения ситуаций: бегство, агрессию и т.п. [10]. При этом лицо способно осознавать общественную опасность своих действий и даже руководить ими.

Высокая степень эмоционального напряжения и интенсивность внутренних физиологических процессов, бурное проявление и интенсивность переживания, снижение уровня сознания и кратковременность протекания, являясь характерными признаками физиологического аффекта [11], находят отражение во множестве внешних проявлений, которые могут быть обнаружены даже в рамках простого наблюдения. Поэтому исключительную значимость в приобретении сведений, доказывающих наличие у виновного состояния аффекта, имеет, на наш взгляд, допрос очевидцев преступления². Лица, присутствующие при совершении аффектированного преступления или наблюдавшие лицо, его совершившее, сразу же после окончания преступных действий вполне могут заметить изменения, происходившие с последним. Объективно это выражается в резких изменениях внешнего вида человека, побледнении или покраснении лица, кожи тела, треморе рук, резком изменении (расширении или сужении и др.) глазного яблока, изменении тембра голоса [12, с. 50]. Необходимо отметить, что данные изменения отчетливо выражены и не могут остаться без внимания даже спустя некоторое время после совершения преступления.

Так, К., описывая Б. спустя несколько минут после совершения им аффектированных преступлений – убийства и причинения тяжкого вреда здоровью человека, указал, что «он (Б.) был совершенно на себя не похож, бледный, растерянный, тряслись руки, на вопросы отвечал что-то не в тему, ему (К.) даже показалось, что Б. тронулся рассудком. Б. смотрел в одну точку, его (К.) совершенно не слышал, а после, даже не присев, взял пакет, насыпал картошки, морковки, быстро сел в машину и уехал» [13]. Данные показания, отлично описывающие внешнюю симптоматику состояния аффекта, были положены судом вместе с заключением комплексной психолого-психиатрической экспертизы в основу обвинения.

Необходимо подчеркнуть, что внешнее проявление состояния аффекта у разных людей проявляется по-разному и зависит от индивидуальных особенностей психики. У одних сильный гнев, ярость, ужас проявляются в усиленной иннервации (не контролируемых сознанием движениях мышц лица и тела, излишней, почти судорожной жестикуляции), расширении периферических сосудов. В результате лицо такого человека багровеет, учащается сердцебиение. Он приходит в состояние чрезвычайного возбуждения, излишне суетится, повышает голос до крика, много и не к месту жестикулирует.

В более редких случаях аффект может иметь и прямо противоположное внешнее проявление. Человек как бы цепенеет от страха, гнева, горя, отчаяния. Он бледнеет, теряет дар речи, голос, способность к движению [14, с. 284-287].

Сказанное подчеркивает необходимость тщательного выяснения у допрашиваемых лиц поведенческих особенностей и изменений внешнего вида преступников, не игнорируя нетипичные проявления и не стремясь к их формализации и формированию стереотипов.

Для выявления имевшихся внешних признаков аффекта следует допрашивать не только потерпевших и непосредственных очевидцев преступления, но и лиц, которые наблюдали за преступником после совершения им деяния – соседей, родственников, друзей, сотрудников полиции,

² Конечно, ряд этих признаков могут быть отражен на видеозаписи, однако, учитывая то обстоятельство, что большая часть аффектированных преступлений носит бытовой характер и совершается в жилых помещениях, наличие подобной видеозаписи маловероятно.

выехавших на задержание, сотрудников скорой медицинской помощи и т.д. На наш взгляд, выяснение поведенческих и эмоциональных особенностей, а также изменений внешности и поведения лиц, совершивших преступления, необходимо не только при расследовании аффектированных преступлений, но и вообще любых преступлений против жизни и здоровья человека при наличии признаков воздействия на преступника неблагоприятных факторов, провоцирующих совершение преступления.

Подводя итог изложенному, отметим, что при проведении допроса потерпевшего, очевидцев преступления и иных свидетелей следователь должен прогнозировать возможность развития тактических рисков или осложнения следственно-судебной ситуации, связанных с возникновением сомнений относительно эмоционального состояния лица, совершившего преступление против жизни и здоровья. Подобные сомнения могут вызвать затягивание предварительного расследования или судебных разбирательств в связи с необходимостью осуществления дополнительных или повторных процессуальных действий. Недостаточность изучения эмоционального состояния преступника может привести к несоответствию назначенного наказания степени общественной опасности деяния и лица, его совершившего. Избежать этого поможет выяснение в рамках допроса внешних признаков аффекта.

-
1. Криминалистика: Учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. – М.: НОРМА, 2001. – 1024 с.
 2. Действия виновного переквалифицированы со ст. 111 УК РФ на ст. 113 УК РФ. [Постановление президиума Смоленского облсуда от 10.02.2000 г.] URL. –http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_19658.html (Дата обращения 16.12.2014 г.).
 3. Степанова И. Квалификация преступлений из ревности, совершенных в состоянии аффекта // Законность. – 1996. – № 10; доступ из СПС КонсультантПлюс.
 4. Уголовное дело №1-44/2014 (Архив Аргаяшского районного суда Челябинской области за 2014 г.).
 5. Справка по результатам обобщения судебной практики назначения судебных экспертиз в уголовном процессе за 2009 г/ [электронный ресурс]: офиц. сайт Суд. деп. Ставропольского края. - URL: http://kraevoy.stv.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=177 (Дата обращения 26.12.2014 г.).
 6. Судебная экспертиза: типичные ошибки / Е.И. Галяшина, В.В. Голикова, Е.Н. Дмитриев и др.; под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Проспект, 2012. – С. 195-203.
 7. Ситковская, О.Д. Аффект: Криминально-психологическое исследование. – М., 2001. – С. 34.
 8. Тухбатуллин, Р.Р. Субъект и субъективная сторона преступлений против жизни и здоровья, совершенных в состоянии аффекта // Российский следователь. – 2005. – № 8; СПС КонсультантПлюс.
 9. Назаренко, Г.В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния. – М.: Ось-89, 2000. – С. 181.
 10. Никифоров, А.С. Эмоции в нашей жизни. – Изд. 2-е. – М., 1978. – С. 212.
 11. Сысоева, Т.В. Убийство, совершенное в состоянии аффекта: Дис. ...канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2000. – С. 54.
 12. Сидоров, Б.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. Социально-психологическое и правовое исследование: Монография. – Казань, 1978.
 13. Уголовное дело № 22–1/2011 г. (Архив Липицкого районного суда Липицкой области за 2010 г.).
 14. Семернева, Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): Научно-практическое пособие. – М.: Проспект, 2010. – 296 с.